
IV. ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 808.5

И. В. Знаешева

Независимый исследователь

ИЗУЧЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: СССР И США

В статье анализируются два известных исследования 1920–1930-х гг. (*World revolutionary propaganda* Г. Д. Лассуэлла и Д. Блюменшток и «Язык красноармейца» И. Н. Шпильрейна и др.) и предлагается попытка взглянуть на отдельные аспекты советской науки, в частности на изучение лингвистических механизмов пропаганды, не в рамках ревизионистского подхода, а с включением в общемировой научный и культурно-исторический контекст. Анализ сосредоточен на лингвистических в своей основе подходах, предлагаемых представителями психологических, социологических и политических наук СССР и США. Выбор этих исследований обусловлен, с одной стороны, взаимным интересом стран друг к другу, с другой — тем обстоятельством, что проблема изучения пропаганды как способа распространения коммунистических идей стояла одинаково остро для обеих стран, пусть и с зеркально противоположными целями, лежащими в основе этого интереса. Анализ выбранных исследований наглядно демонстрирует сходные черты в дизайне исследований и методиках. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: политическая лингвистика, пропаганда, семантика, психотехника.

Irina V. Znaesheva

Independent Researcher

STUDY OF COMMUNIST PROPAGANDA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: USSR AND USA

The article analyzes two prominent researches of the 1920–30th (*World revolutionary propaganda* by H. D. Lasswell and D. Blumenstock and *The Language of the Red Army Soldier* by I. N. Shpil'rein et al.) and proposes an attempt to look at certain aspects of Soviet science, particularly at the study of linguistic mechanisms of propaganda, not within the framework of a revisionist approach, but including it in the broader scientific and cultural and historical context. The analysis focuses on basically linguistic approaches used by the psychologists, sociologists, and political scientists of the USSR and the USA.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

The choice of these researches is conditioned, on the one hand, by the mutual interest of the two countries, on the other hand, by the fact that the problem of studying propaganda as a way of spreading communist ideas was equally acute for both countries, albeit with mirror-opposite goals underlying this interest. The analysis of the selected studies demonstrates similarities in study design and methodology. Refs 22.

Keywords: political linguistics, propaganda, semantics, psychotechnics.

ОБЩИЙ КОНТЕКСТ ПОЯВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА ПРОПАГАНДЫ

Сравнительный подход в историографии науки

Период стремительного расширения наших представлений о советской академической науке 1920–1930-х гг. в целом и о ее взаимосвязях с идеологией и властью в частности, а также рефлексии по этому поводу уже стал фактически частью истории идей. Можно выделить две основные сопровождающие его тенденции: ревизионистскую и компаративистскую. Говоря о ревизионистском подходе, можно назвать, к примеру, работы Ш. Фицпатрик [Fitzpatrick 1992] или Д. Александрова, А. Дмитриева [Александров 2002; Дмитриев 2007], где к советской науке применяется предложенный Ф. Рингером (Fritz K. Ringer, 1934–2006) тезис о «немецких мандаринах», и целый ряд других исследований, рассматривающих советскую науку этого периода как неудавшийся социальный эксперимент. Но все же более плодотворным и интересным представляется акцент на сравнительном изучении [Sériot 1999; Holquist 2002; Kotkin 2001], что позволяет вписать процесс становления советской науки в общемировые тенденции, связанные с такими событиями, как Первая мировая война и запущенные ею процессы индустриализации, мобилизации и деколонизации [Sanborn 2014], оказавшие сильнейшее влияние на ход дальнейшей истории. В рамках этого подхода обратимся к изучению пропаганды в СССР и США, поставив своей целью увидеть как общее, так и специфику. В качестве материала для сопоставительного анализа выбраны исследования американских политологов Г. Д. Лассуэлла (Harold D. Lasswell, 1902–1978) и Д. Блюменшток (Dorothy Blumenstock, 1911–1980) и советских психотехников И. Н. Шпильрейна (1891–1937), Д. И. Рейтынбарга (1899–1977), Г. О. Нецкого. Выбор обусловлен тем, что эти работы, основной целью которых являлось изучение воздействия пропаганды — качественного и количественного, с неизбежностью обращались к лингвистическим идеям своего времени, что открывает для историка лингвистических идей особую перспективу.

Изучение языка пропаганды: общие тенденции

Изучение пропаганды в XX в. получило активное развитие в период Первой мировой войны, которая привела к многочисленным человеческим потерям, исчезновению с политической карты мира четырех империй, переделу границ государств, коренному изменению мировосприятия людей. В изменившемся мире

исследование политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилось все более необходимым. Опыт пропагандистского противостояния воюющих стран отчетливо продемонстрировал, что знание о механизмах манипуляции общественным мнением имеет высокую научную и гуманитарную ценность. К числу классических работ этого периода относятся, в частности, книги американского писателя и журналиста Уолтера Липпмана (Walter Lippmann, 1889–1974), который занимался созданием пропагандистских листовок для армии союзников во Франции. Именно Липпман является автором таких понятий, как «процесс установки повестки дня» (*agenda-setting process*), то есть высвечивание в политической коммуникации одних вопросов и замалчивание других; «общественное мнение» (*public opinion*) [Lippmann 1922], что предполагало разграничение реальной актуальности той или иной проблемы и ее «важности» в восприятии общества.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ В СССР

Вопросы изучения публичной речи, ее особенностей и воздействия ее на слушателя в первые десятилетия после революции обрели особую актуальность как по причинам экстралингвистического характера, так и в силу общего развития идей — характерного для советской лингвистики стремления включить социальный аспект в изучение теории. Некоторые из этих работ получили блестящий анализ, например цикл статей В. Н. Волошинова в журнале «Литературная учеба» (1934), некоторые по-прежнему остаются на периферии исследовательских интересов, как, например, книги В. А. Гофмана «Литературный язык» и «Ораторское искусство». Психотехника, рассматриваемая как часть «репресированной науки» этого периода в 1990-х и начале 2000-х гг. стала предметом активного изучения историков психологии. Помимо прочего, психотехника ставила перед собой задачи описания того, как «классовое бытие человека определяет его социологию, его направленность» путем наблюдения над переменами, происходящими в языке, обусловленными, в свою очередь, социальными изменениями [Шпильрейн 1930: 42]. В сущности, эту задачу можно переформулировать в более актуальных с позиций современной науки терминах: каким образом происходит индоктринация индивида на различных этапах его развития? Какую роль в этом играет язык? Каким образом можно воздействовать на этот процесс — и даже управлять им? Именно это делает психотехнические исследования чрезвычайно ценным объектом для лингвиста.

Психотехника как наука зародилась в начале XX в. в Германии. Термин был предложен немецким психологом В. Штерном в 1903 г., методы, цели и задачи были сформулированы немецким психологом Г. Мюнстербергом в 1908 г. («Психология и экономическая жизнь», 1914). Изначально психотехника задумывалась как наука о практическом применении психологии к задачам культуры (в Советском Союзе она во многом развивалась именно так), но в условиях Первой мировой войны более важными оказались проблемы, связанные с профес-

сиональным отбором для нужд армии и военной промышленности. В целом же, по определению советского ученого С. Г. Геллерштейна,

в задачи психотехники включалось решение таких вопросов, как профессиональный отбор и профессиональная консультация, профессиональное обучение, рационализация труда, борьба с профессиональным утомлением и несчастными случаями, создание психологически обоснованных конструкций машин и инструментов, психическая гигиена, психология воздействия (в частности, средствами плаката, рекламы, кино и т. п.), психотерапия, психология искусства [БСЭ 1975].

Особое развитие, связанное с именами Ф. Тейлора и Г. Форда, психотехника получила в Соединенных Штатах Америки.

В Советском Союзе психотехника развивалась в ряду психоневрологических дисциплин в 1920–1930-е гг. Вопрос организации труда для страны, перед которой была поставлена цель в кратчайший период подняться из разрухи и достичь высокого уровня промышленного развития, должен был решаться на уровне не только структурных изменений в сфере производства, но и создания особого отношения к выполняемой работе и — более глобально — нового человека (один из лозунгов эпохи: «Человечество научилось обрабатывать вещи. Наступила пора тщательной обработки человека» [Гастев 1924: 5]).

Результаты самого, пожалуй, известного и масштабного исследования психотехников в этой сфере изложены в книге И. Н. Шпильрейна, Д. И. Рейтынбарга, Г. О. Нецкого «Язык красноармейца: опыт исследования словаря красноармейца московского гарнизона» (Шпильрейн 1928).

Эта книга представляет собой итог двухлетнего исследования, посвященного оценке «политвоздейственной» работы как вида производственной деятельности, то есть с использованием привычных психотехнических понятий материала, инструмента и методов работы. Материалом в данном случае выступал красноармеец, а инструментом воздействия — слово. Для оценки воздействия изучался словарь красноармейца (объект воздействия) и словарь газеты и политрука (инструмент воздействия). При этом изучался как устный, так и письменный; как активный, так и пассивный словарь политрука и красноармейца, и создание тестов для их обследования было фактически новым словом в психотехнике. Были намечены пути грамматического анализа писем красноармейцев, которые представляли собой спонтанную письменную речь, составлены тесты осведомленности, приведена статистика ошибок, составлены частотные словари. Все это позволяет говорить о том, что мы имеем дело с уникальным материалом — методически выверенным срезом реального состояния языка определенной социальной группы, с одной стороны, и оценкой пропагандистского воздействия — с другой.

В исследовании приняли участие 2400 красноармейцев, составивших три группы. Первая группа — заканчивающие службу в армии в 1924 г., вторая груп-

па — новобранцы в 1924 г., прослужившие 2–3 недели, и третья группа — те же солдаты, но полгода спустя, в 1925 г. В качестве источников составления устного и письменного словарей использовались:

- 1) газета «Красный воин» за 1924 г. (2 номера, 10 000 слов);
- 2) стенограммы 12 часов политзанятий (24 029 слов, из них 12 806 — язык политрука, 11 223 — язык красноармейца);
- 3) письма красноармейцев в редакцию газеты «Красный воин» (141 письмо, 20 456 слов).

Для проведения опытов по изучению пассивного словаря был разработан ряд тестов с подчеркиванием нужного слова, восполнением пропущенных слов в тексте, подбором антонимов к нужному слову¹. Выбор слов для изучения осуществлялся после посещения казарм, бесед с политруком, получения сведений у библиотекаря о том, за разъяснением каких непонятных слов к нему обращаются. Всего было установлено 300 слов, знание которых подлежало проверке.

Словари (устный и письменный) создавались по следующей методике: выписывались подряд слова в алфавитном порядке, из списков изымались имена собственные. Рядом с каждой словоформой указывались ее грамматические признаки. Это позволяло установить сравнительную частоту форм слов отдельных грамматических категорий и процентное соотношение основных форм к общему числу слов. Всего таким образом было выписано 54 338 слов, из них 6123 различные словоформы. Кроме того, проводился синтаксический анализ писем красноармейцев, хотя и оговаривалось, что это исследование носит предварительный характер. Целью синтаксического анализа было выяснить «своеобразие исследуемого материала с точки зрения соотношения элементов предложения и типической конструкции фразы и выразить эти соотношения в количественной форме, чтобы, таким образом, приобрести исходный пункт для изучения эволюции красноармейского синтаксиса в будущем» (Шпильрейн 1928: 40). Вообще говоря, именно письма, пожалуй, являются наиболее интересной частью материалов исследования. В их отношении устанавливается множество деталей: помимо даты и темы (выделяется пять групп тем²), отмечается, на какой бумаге написано письмо, количество орфографических и пун-

¹ Некоторые примеры таких тестов, приведенные в обширном приложении к книге: «Что значит банкир?» — Варианты ответов: «Бомбомет, буржуй, кассир, фельдшер». «Что такое докер? — Безземельный крестьянин, кооперативный приказчик, ловкий парень, портовый рабочий. Что значит ветеран? — Доктор, лошадь, ребенок, старик. Кто такой Сталин? — Анархист, коммунист, меньшевик, эсер. Для чего баррикады? — Жить, защищаться, одеваться, плавать. Что такое нация? — Город, государство, народ, правительство». (Шпильрейн 1928: 130–166).

² Выделенные группы тем и процентное соотношение писем приведены в таблице на странице 29. Из нее следует, что по 29% писем приходилось на темы «культпросвет» и «разоблачение», 26% описывают военную жизнь и быт, 12% посвящены учебе и книгам и еще 4% — «справки» (Шпильрейн 1928: 29).

ктуационных ошибок, было ли письмо использовано редакцией. Так, в таблице на странице 28 приводятся примеры характеристики писем красноармейцев: о письме от 23 марта 1925 г. сообщается, что оно написано «на листе из тетради (линованном) на обеих сторонах листа, черными чернилами», содержит 60 орфографических ошибок, пунктуационные ошибки и сообщает «о командире, который ругается, “аж губы трясутся”». Использовано ли это письмо редакцией газеты — неизвестно. А письмо от 25 марта того же года, написанное «на листках из тетради на одной стороне листа черными чернилами», не содержащее орфографических ошибок и представляющее «описание военного уголка в одной из провинциальных частей» было использовано редакцией (Шпильрейн 1928: 28).

Все это позволило установить изменение состава словаря красноармейцев за время службы в армии и оценить, насколько действенной является работа политука (важно также, что красноармейцы представляли собой достаточно однородную массу деревенской молодежи). На основе составленных тестов были проведены исследования и в других военных округах, также они были рекомендованы к проведению в школах.

По результатам проведенного исследования было сделано две группы выводов. Первая касалась оценки состава пассивного и активного словаря и характеристик устной и письменной речи (отмечалось, в частности, что «грамматическая структура языка красноармейца в письмах приближается к грамматической структуре газетного языка, тогда как устный язык, точно так же, как устный язык политука, сильно отличается от газетного обилием глаголов, небольшим количеством существительных и прилагательных» (Шпильрейн 1928: 119)). Вторая группа выводов оценивала собственно «политвоздейственную» составляющую: делались выводы о том, какая часть словаря усваивается лучше или хуже и почему (например, фамилии политических деятелей усваиваются хуже всего, потому что быстро теряют актуальность и забываются), какая часть словаря (в процентах) была усвоена и каковы основные принципы воздействия словом. Делались выводы о необходимости дозированного, систематического и рационального воздействия. Один из способов рационализации должен был заключаться в его максимальном соответствии «предшествующему словарному опыту объекта воздействия» (Шпильрейн 1928: 116).

Обращают на себя внимание как масштабы эксперимента (значительное число обследованных) в течение двух лет, так и необыкновенная тщательность разработки методики. Кроме того, при публикации все процедуры сбора материала, инструкции по проведению эксперимента, все полученные данные представлены чрезвычайно полно. В дальнейшем с применением этой методики или ее элементов было проведено исследование языка красноармейцев еще нескольких гарнизонов, а также школьников.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ В США

Общие положения

Появление государственной пропаганды в США обычно относят к периоду Первой мировой войны. Комитет общественной информации, известный также как Комитет Крила (по имени Дж. Крила, советника В. Вильсона по связям с общественностью), был создан для того, чтобы мобилизовать боевой дух американцев, объединив разобщенную страну для борьбы с врагом, а также поддерживать положительный образ союзников и дружественные отношения с нейтральными странами. Пропаганда при этом должна была отличаться от немецкой и распространяться методами, сходными с рекламой [Суржик 2014: с. 12]. Заметим, что изучение рекламы в США имеет давнюю и богатую традицию, проводилось с использованием самых современных на тот момент методов, включая наблюдение за движением глаза (сегодня мы называем это айтрекингом) [Сивулка 2002; Докторов 2008]. Впрочем, подобные исследования проводились психотехниками и в СССР [Беляева-Экземплярская 1931; Рейтынбарг 1930; Рейтынбарг, Макаров 1931; Рейтынбарг 1932]. После окончания войны накопленный методологический потенциал был привлечен для решения новой задачи: изучения коммунистической угрозы.

Исследование Г. Д. Лассуэлла и Д. Блюменшток

Обратимся к одной из самых масштабных и любопытных с лингвистической точки зрения работ: *World revolutionary propaganda: A Chicago Study* (1939) Г. Д. Лассуэлла и Д. Блюменшток. Лассуэлл принадлежит к ряду исследователей, совершивших «чикагскую революцию» в американской политологии [Лассуэлл 2021: 7], он известен благодаря целому ряду работ, в которых рассматриваются вопросы пропаганды и политической коммуникации, начиная со знаменитой *Propaganda technique in the World War* (1927), в основу которой положена его докторская диссертация и которая почти сразу же была переведена в СССР (1929). Следует отметить также его книги *Psychopathology and Politics* (1930) и *Language of Politics* (1965)³. В книге *World revolutionary propaganda* рассматривается рост популярности коммунистических идей в индустриальном Чикаго на фоне Великой депрессии. Она открывается фразой «This is the age of propaganda», и формулирует вопросы очень прямо:

We are interested in the facts. We have taken care to find them. But we are chiefly concerned with the meaning of the facts for the understanding of the future.

Will Communism conquer America? Are we passing from “individualistic America” to a “Sovietized America”? Is this part of a world trend from “individualism” to “collectivism”? (Lasswell, Blumenstock 1939: v)

³ См. также: [Lasswell 1938; Smith, Lasswell, Casey 1946].

Поиск ответов на эти вопросы включал определение силы воздействия факторов, влияющих на распространение и ограничение коммунистических идей в США, а также анализ собственно механизмов воздействия. Исследование состоит из нескольких частей, в которых рассматриваются каналы пропаганды (демонстрации, листовки, собрания, пикеты, забастовки и т. п.), техника пропаганды (символы, лозунги), объем пропаганды (показатель продвижения (*Promotion Index*) — число людей, уделяющих существенное время пропаганде, по отношению к числу людей, составляющих конкретное сообщество, и временной показатель продвижения (*Promotion Hour Index*) — время, затраченное на пропаганду, по отношению к часам бодрствования) и эффективность ее воздействия. Анализируется целый ряд социологических данных, в том числе уровень безработицы, суммы, выделяемые на оказание помощи рабочим, и т. д., но ключевым для нас оказывается анализ манипуляции сознанием с позиции политической семиотики. Лассуэлл рассматривает пропаганду как процесс, нацеленный на замену одного набора суждений другим, как манипуляцию значимыми символами, которая должна привести к переоценке происходящего и замене традиционных представлений и ценностей большинства (*mores*) представлениями и ценностями контр-большинства (*counter-mores*):

The hypothesis has been stated that skillful revolutionary propaganda depends upon provoking crises of conscience as means of emancipating person from compulsions of the “odd” conscience. The contents of the individual conscience determine what the “mores” of the community are. Unless patterns of conduct are incorporated within the consciences of the overwhelming proportion of the community, they should not be called “mores”. Since the attainment of revolutionary objectives depends upon the dissolution of certain mores, it is essential to stimulate “counter-mores” attitudes. (Lasswell, Blumenstock 1939: 105–106)

Наиболее интересная с точки зрения истории лингвистики третья часть посвящена технике пропаганды — собственно тому, как происходит манипуляция символами, — и значениям символов, которые оказываются предметом «академической аутопсии» (Lasswell, Blumenstock 1939: 101). Вопросы, которые авторы ставят перед собой, кажутся им очевидными: «What we need to know about propaganda symbols in general and revolutionary symbols in particular is clear. We want to find out under what conditions some symbols win over some other symbols» (Lasswell, Blumenstock 1939: 102). В соответствии с задачей внести вклад в решение вопроса, как одни символы смещают другие, выделяются и анализируются на обширном материале политических выступлений, лозунгов и призывов три группы символов: символы-требования (*symbols of demand*), побуждающие к изменениям или действиям, например «vote for the Communist Party»; символы идентификации (*symbols of identification*), позволяющие соотнести себя с той или иной социальной группой, например коммунистов, пролетариата, трудящихся; символы-факты (*symbols of fact*), утверждающие существование событий или фактов. Символом-фактом являются, например, слова «the coming world revolution», поскольку они

эксплицитно отсылают к событиям, которые могут случиться в будущем или осуществление которых в будущем заявляется как факт. Особый интерес, по мнению авторов, представляют собой лозунги, поскольку они являются наиболее доходчивыми и краткими формами обращения к сознанию масс. Исследование слоганов базируется на изучении 315 листовок, содержащих 1659 лозунгов, в среднем от 3 до 6 лозунгов в каждой. Лозунги обычно содержат символы-требования, которые делятся на методы и цели. Например, лозунг «Against fascism!» является символом-требованием цели без утверждения факта.

Пропаганда рассматривается как обращение символов, которые влияют на установки людей относительно спорных и сложных вопросов. Механизм воздействия, по Лассуэллу, заключается в том, чтобы использовать символы всех перечисленных выше типов таким образом, чтобы вызывать раздвоенность сознательного восприятия: использовать символы, которые одновременно и обращаются к сознанию и традиционным представлениям, и подрывают их. Необходимо вызвать как негативное отношение к существующему порядку, так и положительное отношение к замещающим символам и практикам. В целом авторы приходят к выводу, что влияние коммунистической пропаганды в Чикаго не было успешным.

ВЫВОДЫ

Как представляется, в рамках истории науки сопоставительный подход может оказаться более продуктивным, чем ревизионистский. Соположение тех или иных идей в контексте общего интеллектуального климата эпохи открывает новые перспективы рассмотрения фактов и событий. Изучение коммунистической пропаганды в СССР и в США обнаруживает следующую общую черту: к исследованиям такого рода обращались в первую очередь не лингвисты (не располагавшие, очевидно, на тот момент необходимыми методиками), а представители других научных дисциплин: социологии, политологии, психотехники. При этом, оценивая механизмы воздействия, они с неизбежностью обращались к лингвистическим теориям, которые в тот момент представляли собой передовой край лингвистической науки и стремились к инкопорированию психологических и психоаналитических идей в представления о функционировании языка.

Источники иллюстративного материала

Lasswell H., Blumenstock D. World revolutionary propaganda: A Chicago study. New York, 1939.
Шпильрейн И. Н., Рейтынбарг Д. И., Нецкий Г. О. Язык красноармейца: опыт исследования словаря красноармейца московского гарнизона. М.; Л., 1928.

Литература

Александров Д. А. Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 90–104.

- Беляева-Экземплярская С. Оптимальные условия читаемости прейскуранта // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1. С. 23–45.
- Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 21. М.: Советская энциклопедия, 1975.
- Гастев А. К. Как надо работать. М., 1924.
- Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/6/akademicheskij-marksizm-1920-1930-h-godov-zapadnyj-kontekst-i-sovetskie-obstoyatelstva.html> (дата обращения: 10.06.2021).
- Докторов Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США. М.: Центр социального прогнозирования, 2008.
- Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021.
- Рейтынбарг Д. И. Отзывы посетителей о выставках советских и иностранных плакатов по безопасности труда 1929 года и 1930 года // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 4. С. 243–260.
- Рейтынбарг Д. И. Плакат по безопасности труда на новом этапе // Советская психотехника. 1932. № 4. С. 269–278.
- Рейтынбарг Д. И., Макаров И. Изучение эффективности положительного и отрицательного (устрашающего) плаката по безопасности // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1. С. 16–22.
- Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты: История американской рекламы // СПб.: Питер, 2002.
- Суржик Д. В. Первая мировая (информационная) война в США // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2014. № 2. С. 11–25.
- Шпильрейн И. Н. Психотехника в реконструктивный период. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1930.
- Fitzpatrick Sh. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992.
- Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis 1914–1921. Cambridge: Harvard University Press, 2002.
- Kotkin S. Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 2. No. 1. 2001, winter. P. 111–164.
- Lasswell H. D. Propaganda technique in the World War. New York, 1938.
- Lasswell H. D. Psychopathology and politics. Chicago: The University of Chicago Press, 1930.
- Lippmann W. Public Opinion. New York, 1922.
- Sanborn J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Sériot P. Structure Et Totalité: Les Origines Intellectuelles Du Structuralisme En Europe Centrale Et Orientale. Paris: Presses universitaires de France, 1999.
- Smith B., Lasswell H., Casey R. Propaganda, communication, and public opinion; a comprehensive reference guide. Princeton: Princeton University Press, 1946.

References

- Aleksandrov D. A. Fritz Ringer, German mandarins and Russian scientists. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 53, pp. 90–104. (In Russian)
- Beliaeva-Ekzempliarskaia S. Optimal conditions for the readability of the price list. *Psikhotekhnika i psikhofiziologiia truda*, 1931, no. 1, pp. 23–45. (In Russian)
- Dmitriev A. “Academic Marxism” of the 1920s — 1930s: Western Context and Soviet Circumstances // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007, no. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/>

- nlo/2007/6/akademicheskij-marksizm-1920-1930-h-godov-zapadnyj-kontekst-i-sovetsk-
ie-obstoyatelstva.html (accessed: 10.06.2021). (In Russian)
- Doktorov B. Z. *Advertising and opinion polls in the United States*. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prog-
nozirovaniia Publ., 2008. (In Russian)
- Fitzpatrick Sh. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992.
- Gastev A. K. *How to work*. Moscow, 1924. (In Russian)
- Great Soviet Encyclopedia*, in 30 vols, vol. 21. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1975. (In
Russian)
- Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis 1914–1921*. Cambridge,
Harvard University Press, 2002.
- Kotkin S. Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture. *Kritika: Explorations in
Russian and Eurasian History*, vol. 2, no. 1, 2001, winter, pp. P. 111–164.
- Lasswell H. D. *Propaganda technique in the World War*. Moscow, INION RAN Publ., 2021. (Rus. Ed.)
- Lasswell H. D. *Propaganda technique in the World War*. New York, 1938.
- Lasswell H. D. *Psychopathology and politics*. Chicago, The University of Chicago Press, 1930.
- Lippmann W. *Public Opinion*. New York, 1922.
- Reitynbarg D. I., Makarov I. Exploring the Effectiveness of Positive and Negative (Intimidating)
Safety Poster. *Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda*, 1931, no. 1, pp. 16–22. (In Russian)
- Reitynbarg D. I. Poster on labour safety at a new stage. *Sovetskaiia psikhotekhnika*, 1932, no. 4,
pp. 269–278. (In Russian)
- Reitynbarg D. I. Visitors' reviews of exhibitions of Soviet and foreign posters on occupational safe-
ty in 1929 and 1930. *Psikhotekhnika i psikhofiziologiya truda*, 1930, no. 4, pp. 243–260. (In
Russian)
- Sanborn J. *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. Oxford,
Oxford University Press, 2014.
- Sériot P. *Structure Et Totalité: Les Origines Intellectuelles Du Structuralisme En Europe Centrale Et
Orientale*. Paris, Presses universitaires de France, 1999.
- Shpil'rein I. N. *Psychotechnics at the Age of Reconstruction*. Moscow, Kommunisticheskoi Akademii
Publ., 1930. (In Russian)
- Sivulka J. *Soap, Sex, and Cigarettes: A Cultural History of American Advertising*. St Petersburg, Piter
Publ., 2002. (Rus. Ed.)
- Smith B., Lasswell H. Casey R. *Propaganda, communication, and public opinion; a comprehensive
reference guide*. Princeton, Princeton University Press, 1946.
- Surzhik D. V. World War I (information) in the USA. *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova*, 2014,
no. 2, pp. 11–25. (In Russian)

Сведения об авторе

Знаешева Ирина Владимировна
Независимый исследователь

Irina V. Znaesheva
Independent Researcher
E-mail: iznaesheva@academicstudiespress.com
Researcher ID: AAR-6430-2021
SPIN-код: 1522-1836
Author ID (Russian Citation Index): 1117383